

НЕЗНАНИЕ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Дорожкин Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, Гагарина пр-т, д. 23; e-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Голубинская Анастасия Валерьевна – кандидат философских наук, доцент. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, Гагарина пр-т, д. 23; e-mail: golub@unn.ru

В статье рассматривается понятие «эпистемология незнания», определяемое авторами как оксюморон. Применение данного термина в философской литературе в первую очередь связано с исследованиями дистрибуции информации в межгрупповом взаимодействии (Л. Алькофф, Э. Малевски, Н. Джарамилло, Ч. Миллс). Однако, на взгляд авторов данной статьи, подобная трактовка сужает эпистемологический характер проблемы незнания. Одной из целей работы является попытка придания отмеченному словосочетанию понятийной нагрузки. Для этого, прежде всего, рассматривается вопрос о смысле понятия незнания, а затем приведено обоснование возможности гармоничного сочетания понятий «незнание» и «эпистемология». В статье рассмотрены четыре тезиса, показывающие тесную взаимосвязь незнания и знания. На взгляд авторов, именно это является первичным обоснованием эпистемологического характера проблемы. Первый тезис широко известен в истории философии и науки и гласит, что незнание может выступать условием знания. Второй тезис защищает обратную связь: незнание реализуется через знание. Третий и четвертый тезисы обращены к состояниям, сочетающим в себе свойства знания и незнания: первое может иметь признаки второго, а второе – признаки первого. Это указывает на необходимость придания хорошо известному понятию «эпистемология» некоторых дополнительных аспектов, необходимых при такой взаимосвязи: ведь нужно признать, что такая форма, как оксюморон, нечасто встречается в гносеологических исследованиях. На основании этого делается вывод о том, каким образом эпистемологический анализ может быть осуществлен. Авторы видят здесь две возможные исследовательские задачи, а именно – анализ производства знания и анализ производства незнания.

Ключевые слова: незнание, эпистемология незнания, наукоемкое незнание, неопределенность, производство незнания, производство знания

* Работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021-2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

IGNORANCE AS AN EPISTEMOLOGICAL PROBLEM

Alexander M. Dorozhkin –
DSc in Philosophy, Professor.
Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod.
23 Gagarin Ave.,
Nizhny Novgorod 603950,
Russian Federation;
e-mail: a.m.dorozhkin@
gmail.com

Anastasia V. Golubinskaya –
CSc in Philosophy,
Associate Professor.
Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod.
23 Gagarin Ave.,
Nizhny Novgorod 603950,
Russian Federation;
e-mail: golub@unn.ru

The article explores the controversial concept of “epistemology of ignorance”, defined as an oxymoron. The use of this term in philosophical literature is primarily associated with research on the distribution of information in group-to-group interaction (L. Alkoff, E. Malewski, N. Jaramillo, C. Mills). Nevertheless, authors of this article suppose that such interpretation narrows the epistemological content of the problem of ignorance. One of the goals of this work is an attempt to give a conceptual load to the mentioned phrase. To do this we consider, first of all, the question of the meaning of the concept of ignorance, and then the rationale for the possibility of a harmonious combination of the concepts of “ignorance” and “epistemology”. The article reviews four theses that show the close relationship between ignorance and knowledge, which is in our opinion the primary justification of the epistemological nature of a problem. The first thesis is widely known in the history of philosophy and science and states that ignorance can be a condition of knowledge. The second thesis protects feedback: ignorance is realized through knowledge. The third and fourth theses address states that combine the properties of knowledge and ignorance: the first may have signs of the second, and the second may have signs of the first. This indicates the need to give the well-known concept of “epistemology” some additional aspects necessary for such a relationship; after all, it must be recognized that such a form as an oxymoron is not often found in epistemological studies. Based on this, a conclusion is made about what images epistemological analysis can be carried out. The authors see here two possible research tasks, namely, the analysis of the non-production of knowledge and the analysis of the production of ignorance.

Keywords: ignorance, epistemology of ignorance, knowledge-intensive ignorance, uncertainty, production of ignorance, non-production of knowledge

Введение

Словосочетание «эпистемология незнания» довольно плотно вошло в ряд современных западных исследований, но, собственно, сочетает оно несочетаемое и потому является не антитезой, а оксюморонам. На сегодняшний день общепринятого смысла у этого сочетания так и не сформировалось. У Л. Алькофф (Городской университет Нью-Йорка, США) «эпистемология незнания» – это проблема групповой идентичности угнетенных слоев населения [Alcuff, 2007]. Э. Малевски и Н. Джарамилло (Государственный университет Кеннесо, США) трактуют выражение как «исследовательскую платформу, которая культивирует работу по деколонизации, продвигаемую критикой

западной метафизики» [Malewski, Jaramillo, 20011, p. 146] и создаваемую для поддержки сохранения социального статус-кво [Ibid., p. 87]. В работах Ч. Миллса (Городской университет Нью-Йорка, США) и ряда основанных на его теории работ «эпистемология незнания» – это элемент «расового договора» [Mills, 1997]. Предмет исследований тоже обозначается по-разному: то, как незнание активно конструируется и поддерживается в целях эксплуатации, как оно спонсируется и регулируется [Brandt, 1998], как оно используется сознательно или невольно для искажения, подавления или сокрытия знаний [O’Neil, 2016] в социальных и социотехнических системах [MacKenzie, 2023; Pritchard, 2022]. Следует отметить, что как направление исследований эпистемология незнания формируется не столько в виде обобщающих фундаментальных предположений о гносеологических свойствах незнания, сколько в виде быстро растущего набора специфических кейс-стади. К примеру, Х. Нишияма исследует поддержание геополитического порядка на японских островах [Nishiyama, 2022], а К. О’Доннел – государственное регулирование института материнства в Ирландии [O’Donnel, 2023]. Заметно, что во всех этих работах речь идет не о чем ином, как о социальных отношениях, о циркуляции информации в социальных группах, а цели исследований в этих случаях – это изучение не незнания как такового, а проявление отношений власти в менеджменте информации. Исследование того, как те или иные социальные силы прокладывают путь к формированию невежества, безусловно, является важным, но исчерпывает ли оно понятие «эпистемология незнания»? Мы полагаем, что нет. Это видится нам как сужение объема смысла данного словосочетания, обладающего потенциалом описать не только проявление власти и реализации идей равенств в сфере информации, но и вопросы непосредственно относящиеся к теории познания. Одной из целей нашей работы является попытка придания отмеченному словосочетанию понятийную нагрузку. Для этого прежде всего необходимо рассмотреть вопрос о смысле понятия незнания, а затем обосновать возможность гармоничного сочетания понятий «незнание» и понятия «эпистемология». При этом придется рассмотреть вопрос о необходимости (или отсутствии таковой) придания хорошо известному понятию «эпистемология» некоторых дополнительных аспектов, необходимых при такой взаимосвязи: ведь нужно признать, что такая форма, как оксюморон, нечасто встречается в гносеологических исследованиях.

Если отталкиваться от наиболее распространенного, ставшего повседневным понимания незнания, то оно толкуется от отрицания: незнание – это все, что не является знанием. Такое определение дается в большинстве толковых словарей русского языка, и аналогичная ситуация сложилась в зарубежных толковых словарях: Cambridge, Miriam Webster, немецком Duden, французском Larousse и т.п.

Толкование по остаточному принципу, выводимое из дефиниций знания, в первую очередь требует ясного понимания, что такое знание, – а это вопрос, по которому консенсус так и не достигнут: существует сразу несколько трактовок этого понятия. Поэтому мы возьмем одно из определений, представляющихся нам наиболее приемлемым для нашего случая – знание есть результат познавательной деятельности, который может оцениваться как истинный или ложный, допускает эмпирическую или практическую проверку, может быть логически или фактически обоснован [Никифоров и др., 2004]. Самый распространенный подход к толкованию незнания – это отрицание первой части такого определения: незнание – это отсутствие результата познавательной деятельности. Однако если это отсутствие, то эпистемология незнания предлагает изучать то, чего по умолчанию нет, и это один аспект анализа, в определенной мере сводящийся к парменидовскому варианту рассуждения: такого просто быть не может хотя бы потому, что мы заявляем о такой форме незнания как о присутствующем. Если же мы признаем отсутствие чего-то конкретного при наличии некоего иного, то здесь незнание есть незнание, так сказать, частичное – мы не знаем ничего лишь о чем-то конкретном, но полного незнания ни о чем у нас нет.

Рассмотрим четыре тезиса, показывающие тесную взаимосвязь незнания и знания. На наш взгляд, именно это является первичным обоснованием эпистемологического характера проблемы. Первый тезис широко известен в истории философии и науки и гласит, что незнание может выступать условием знания. Второй тезис защищает обратную связь: незнание реализуется через знание. Третий и четвертый тезисы обращены к состояниям, сочетающим в себе свойства знания и незнания: первое может иметь признаки второго, а второе – признаки первого.

Незнание как условие реализации знания

Утверждение о том, что отсутствие знания о чем-либо является указателем познавательного творчества, вряд ли требует дополнительных обсуждений. Н. Кузанский, предложивший систему «науки незнания», предлагает такое описание: «незнание отвергает, наука (*intelligentia*) сочетает; а знающее незнание объединяет все способы, позволяющие достичь истины» [Кузанский, 1979, с. 16]. В XX в. ученое незнание сменяется научным, и меняется не только термин: в отличие от доктрины ученого незнания Н. Кузанского, ориентированного на принятие границ знания и стремления научиться «не знать мудро», незнание представляется условием реализации знания.

Подразумевая нечто близкое, Р. Мертон использует понятие «определенное незнание» (т.е. незнание, которое определено): это «явное признание того, что еще неизвестно, но должно быть известно, чтобы заложить основу для еще большего знания» [Merton, 1987, p. 1]. Резюмируя опыты о незнании от эмпириков Нового времени до К. Поппера, он заключает, что наука развивается в основном на способах замены невежества знанием, при этом мало внимания уделяется формированию полезного вида невежества. Полезное незнание – это как раз незнание «определенное». Механика научного развития по Р. Мернтону такова: рост знаний и понимания в области исследования влечет за собой рост определенного и определенного невежества, новое осознание того, что еще не известно или не понято, и обоснование того, что это стоит знать. Это означает, что у научного незнания есть вполне прикладная цель, а именно – раздвигать рамки существующих концепций и теорий в свете новых исследовательских перспектив. Дж. Равецц придает незнанию «объем», описывая его как «наукоемкое»: наукоемкое незнание – это отсутствие соответствующих знаний, полученных наукой, которые можно понять, только взглянув на большие перспективы, связанные с наукой [Ravetz, 1989, p. 215–217], т.е. это рукотворное незнание, последовавшее из сделанных человечеством научных открытий, т.е. не возникшее бы без человека и тем самым становящееся формой реализации науки в целом.

На этот тезис можно посмотреть и по-другому: с развитием науки картина мира становится все более детальной, но когнитивные способности человека ограничены, и «знать все» сегодня попросту невозможно. Известная аналогия: для того, чтобы корабль достиг цели своего путешествия, совсем не обязательно, чтобы все члены команды имели ответы на одни и те же вопросы, информация должна распространяться среди людей, которым «необходимо ее знать» [Hutchins, 1995], в то время как оставшейся части экипажа предпочтительнее знать что-то иное. Это пример того, как большие объемы динамичной информации распределяются в группе, чтобы группа достигла общей цели, и незнание одной информации одной частью группы становится условием знания другой информации другой части группы.

Итак, суть первого тезиса заключается в том, что незнание может выступать условием знания, и это проявляется как минимум тремя способами: как граница знания (Н. Кузанский), как ориентир его развития (Р. Мертон) и как производное от познания (Дж. Равецц).

Знание как условие реализации незнания

Знаменитый тезис «Я знаю, что ничего не знаю», приписываемый Сократу, часто используют в дискуссиях о познании. Это позволило в том числе разграничить знание и мнение, знание необходимое и фактическое. Однако не менее интересным кажется то, что этот тезис говорит об обратном, т.е. о знании собственного незнания. С одной стороны, этим высказыванием утверждается [Лобовиков, 2006, с. 27] отсутствие подлинного знания: «я знаю, что природа вещей сложнее, чем я это могу себе объяснить». С другой стороны, ничего не знать можно и буквально, но здравый смысл подсказывает, что ни один человек – разве что младенец, но точно не проживший несколько десятилетий Сократ, – не может быть абсолютно лишен знаний.

Сократическое знание о незнании может пониматься по крайней мере в трех вариантах:

1. Незнание-задача: «я знаю, что я не знаю, но я знаю, что конкретно я не знаю, и поэтому имею возможность четко сформулировать вопрос, ответ на который приведет к ликвидации моего незнания».

2. Незнание-проблема: «я знаю, что я чего-то не знаю. Точно указать, чего же я не знаю, я не могу. Но приблизительно, в общих чертах, я все же могу сформулировать вопрос, ответ на который, возможно, приведет к ликвидации моего незнания».

3. Незнание-неопределенность: «я знаю, что я чего-то не знаю, при этом мое знание об этом незнании довольно гипотетично, или лучше сказать проблематично. Я не могу сформулировать вопрос, который привел бы меня к ответу на исходный вопрос: что же конкретно я не знаю. У меня есть лишь предчувствие, что что-то я все-таки не знаю».

В этих трех случаях незнание проявляется через знание, но важно отметить, что здесь речь идет о самоопределении, т.е. фиксации не незнания или знания кого-либо, а самооценке собственного объема знаний. Учитывая данное обстоятельство, попробуем более детально рассмотреть все вышеотмеченные случаи.

В первом случае – он самый простой – речь, собственно, идет не столько о незнании, сколько о временном отсутствии какого-либо конкретного знания, некоем пробеле. Этот пробел осознаваем и, более того, предполагает наличие определенных сведений о том, как этот пробел устранить. Таким образом, для устранения такого вида незнания достаточно сформулировать и решить определенную **задачу**. Полагаем, что типичным примером такого случая может быть ситуация промежуточного этапа экспериментальной деятельности, когда данные еще не получены полностью просто потому, что экспе-

римент не закончен, но есть уверенность, что по его завершении знания о предмете эксперимента будут найдены.

Второй из отмеченных выше случаев незнания касается уже той части осмысления ситуации, которая требует разрешения **проблемы** как специфической формы нашего знания. Если в первом случае факт отсутствия знания уже известен и предстоит только решить **задачу** (решить вопрос о необходимости для меня получить это недостающее знание и вопрос о том, как такое знание приобрести), то здесь мне, во-первых, неизвестно, где мне получить такое знание, и, во-вторых, неизвестны условия его получения. Примером этого может служить любая ситуация, предшествующая научному открытию. Точнее, большинству научных открытий. Объяснение такой оговорки будет дано нами ниже.

Третий случай, по нашему мнению, требует включения в рассмотрение формы знания, представляемой ныне понятием **гносеологической неопределенности**. Характеризуется этот случай тем, что здесь отсутствует знание о необходимости формулировки проблемы как вопрошающей формы знания. Дело в том, что любой вопрос прямо предполагает некое предварительное, пусть нечеткое, проблематичное, но все же знание. Здесь есть лишь интуитивное представление о возможности формулировки конкретной проблемы, да и то со значительной долей сомнения в такой возможности. Здесь, полагаем, можно говорить об особом виде гипотезах. Не тех, которые выдвигаются для решения конкретных проблем, а гипотез несколько иного рода. Вот что об этом пишет М. Полани: «Поскольку область проблем, которые могут возникнуть в будущем, неограничена и совершенно непредсказуема, столь же неисчерпаемыми и непредсказуемыми оказываются те предубеждения, которые мы приобретаем по отношению к этим проблемам, принимая в настоящее время какую-либо веру. Столкновение с этими проблемами, таким образом, возможно, выявит неопределенное множество скрытых пока от нас перспектив, которые внутреннее присущи любому из наших нынешних мнений» [Полани, 1998, с. 327]. Дело в том, что предшествующие попытки устранения незнания М. Полани если и не обрекает на полную неудачу заранее, то ставит под сомнение. Более того, сомнение также можно понимать с разной степенью значимости. Если угодно, сомнение легкое и тяжелое. В первом случае сомнение есть, но есть уверенность, или сколь угодно большая степень уверенности (вероятности), что такое сомнение легко преодолимо, и есть сомнение основательное, такое, когда уверенность в том, что построение проблемы и ее последующее разрешение теми средствами познания, которые нам известны, невозможно. Это случай, когда явное и неявное знание перестают помогать нам. Такую познавательную ситуацию М. Полани объявляет гипотетической и говорит, что в определенных ситуациях возможна фиксация такой формы незнания.

Добавим от себя – но лишь как счастливый случай. И если уж такая фиксация происходит и далее формируется проблема и ее разрешение, то это реализуется в форме не обычного, или парадигмального, а экстраординарного открытия в терминологии А. Майданова [Майданов, 2008].

В этой связи возникает вопрос о том, почему некоторые из ученых – особенно это касается естествоиспытателей – остаются приверженцами религии. Мы полагаем, что осознание возможности существования такой формы незнания и побуждает их находить определенный компромисс между такими, казалось бы, несовместимыми формами мировоззрения. Кстати, вопрос о том, можно ли полагать знание о незнании незнанием, в полном смысле этого слова, весьма непросто. Знание о собственном незнании, по сути, есть знание об отсутствии какого-либо знания у меня лично и не более того. И в том случае, если известно, что такое знание присутствует, т.е. существует носитель этого знания, то это есть лишь потенциальное личное незнание, потенциально устранимое, в случае моего желания. Ну и, конечно, желания носителя этого знания поделиться со мною таким знанием.

Опираясь на эти рассуждения, можно заключить, что знание является условием реализации незнания: второе существует через первое; «не знать, что x » возможно тогда, когда мы имеем предварительные знания об этом x , о его существовании или возможности такового.

Знание с признаками незнания

Теория познания М. Полани – это эпистемология «неявного знания», суть которого в том, что существуют неконцептуальные формы передачи знания, например посредством демонстрации, подражания, где логико-вербальные формы играют второстепенную роль. Основным содержанием концепции неявного знания выступает положение о существовании двух типов знания – основного или явного, вербально эксплицируемого и периферического, неявного, скрытого. Явное знание может быть сформулировано, кодифицировано и зарегистрировано; как таковое его можно легко передать другим. Под выражением «неявное знание» подразумевают все богатство знаний, которыми обладает человеческий разум, которые используются для совершения действий, но которые субъект не может вербализовать или может объяснить невнятно и с большими усилиями. Оно трактуется не как неформализуемый избыток, а как необходимое основание знания.

Если рассматривать процесс знания в целом, то оба эти знания относятся друг к другу как дополнительные, а процесс познания есть процесс перехода неявного знания в явное, эксплицированное, но остаток неявного не исчезает, а по мере познания вновь возоб-

новляется. Автор отмечает, что «человек знает больше, чем может сказать, неосознанные ощущения и образуют эмпирический базис неявного знания, но раскрыть его содержание мешают семантические трудности. Полани пытается их преодолеть путем уяснения смысла дескриптивных терминов, употребление их в переносном смысле, специфика которых образует «личностный компонент». Д. Шон попытался отстоять убеждение, что неявные знания являются не просто неизбежным элементом познания, но и показателем знания, например когда компетентные практикующие обычно знают больше, чем могут сказать, и сами практикующие часто обнаруживают способность размышлять о своем неявном знании в процессе работы [Schön, 1995]. Таким образом, можно знать так, что знание будет формально неотличимо от незнания, но при этом «ничем», пустотой, разумеется, не будет.

Незнание с признаками знания

Устойчивость и скорость распространения «альтернативных фактов», теорий заговора и ложных утверждений не перестают подтверждать, что в некоторых случаях люди остаются поразительно равнодушны к доказательствам, ставящим под сомнение их убеждения, и что то, что знанием не является (не допускает эмпирическую или практическую проверку, не может быть логически или фактически обосновано), способно действовать так, как знание.

Вопрос о том, являются ли заблуждения и ошибки формами незнания, или же, напротив, представляют собой отдельные случаи знания невозможно решить в рамках данной статьи. Это следует как из отсутствия точных определений обоих понятий, так и из сложности разграничения рефлексивных отчетов. Один из наиболее известных примеров изучения последнего отмеченного аспекта – это психологическое исследование устойчивости политических убеждений сторонников Никсона в ходе «Уотергейтского скандала». Оно показало, что избиратели избегали информации, которая могла бы подтвердить, что предпочитаемый ими политик участвовал в незаконных схемах и действовал недобросовестным путем [Sweeny et al., 2010]. На протяжении всего исследования то, что психологи определяли как мотивированное незнание, самими участниками определялось как знание. Такое незнание было не отсутствием, а результатом познавательной деятельности, т.е. убеждения не появились вдруг, а возникли с опорой на предшествующий опыт человека. Точно так же, как и знание [Казначеева и др., 2006], здесь игнорирование доказательств и противоречий несло в себе мировоззренческие, аксиологические, компенсаторные функции.

Заключение

Все вышесказанное говорит о том, что смысл понятия «незнание» не охватывается простым отсутствием знания, и такой подход ведет к путанице (например, «знание есть условие отсутствия знания» или «знание с признаками отсутствия знания»). Главный вывод, следующий из анализа этих четырех тезисов, заключается в том, что незнание оказывается результатом познавательной деятельности, а не отсутствием этой деятельности, т.е. оно, как и знание, обусловлено познавательными процедурами.

Оппозиция двух главных терминов данного исследования, знания и незнания, теперь выглядит неуверенно, их отношение правильнее описать как диалектическое. Наиболее значимым словом здесь нам кажется именно «отношение». Незнание – это относительное и даже оценочное явление. Этим самым отношением во всех случаях является сопоставление двух «информационных миров», будь то индивидуальные знания разных субъектов или ретроспективные и актуальные знания одного субъекта; внутри этих «миров» – знания, которые определены или кажутся таковыми, с суждениями, которые характеризуются неопределенностью. Первый пункт выражает социальный смысл незнания, а последний – эпистемологический. Поскольку о втором уже сказано ранее, добавим краткий комментарий о социальном смысле. О функциональности незнания в социальных отношениях говорит то, как оно становится предметом общественной оценки. Незнание может быть регулируемым (например, защита детей от определенной информации) и нерегулируемым, «нормальным» или «ненормальным», если за его проявлением следуют нежелательные реакции со стороны общества, если оно подлежит скорейшему устранению и может выступать угрозой для репутации субъекта и его положения в социальной группе или репутации всей группы в целом.

О чем говорят эти заключения? С одной стороны, эпистемология в широком смысле трактуется как исследование знания, и если незнание способно представить себя как условие, следствие или даже форма проявления знания, то введение незнания в эпистемологию не выглядит нелепо и преступно с гносеологической точки зрения. Несомненно, для эпистемологии незнание остается странностью, но не единственной в своем роде (наряду с заблуждением, отложным суждением, «черными ящиками»).

С другой стороны, «эпистемология незнания» – это не совсем эпистемология. В центре внимания современных эпистемологических проектов находится производство знания с учетом социальных и культурных влияний, которые формируют наше понимание мира, «движение» знания из окружающего мира в исследовательские простран-

ства, в теорию, в практику [Borst et al., 2002], или же из одной практики в другую, будь то разные «языки ученых» [Galison, 2009] или перевод научной информации на язык «обычных людей» [Астахова, 2013]. Если эпистемология выстраивается вокруг движения от незнания к знанию, то «эпистемология незнания» предполагает исследование этого движения как бы в обратном направлении, фокусируясь на процессах конструирования незнания и неопределенности и их распространения в социальной системе. Идея «обратного движения» подходит и для изучения механизмов использования информации для подавления знания (от знания к незнанию) – это та интерпретация «эпистемологии незнания», которой придерживаются упомянутые в начале статьи авторы.

Эпистемологический анализ незнания может осуществляться разными способами. Можно говорить о незнании как об отсутствии знания, нуле, тем самым упрощая систему результатов познавательной деятельности человека до нулей и единиц. Такой подход мы повсеместно применяем в педагогике, где незнание ученика – это незнание учеником именно правильного ответа (правильный ответ – единица заранее определенная). Для ликвидации незнания такой подход предлагает очевидное решение: обучить. Можно посмотреть на незнание и иначе, а именно – как на аномалию, противоположность идеала познания или препятствию на пути к нему. Однако такой подход не выдерживает замечаний, изложенных в данной статье, и прямо указывающих на тесную взаимосвязь знания и незнания. Учитывая ее, ликвидировать незнание полностью невозможно и вряд ли было бы полезно. Это вовсе не означает капитуляции перед невежеством, напротив, изучение незнания кажется одной из сторон исследования знания, в том числе способов его достижения. В рамках этой перспективы можно определить как минимум две исследовательские задачи. Первая – это анализ незнания как не-производства знания. На такую формулировку проблемы указывают авторы проекта «социальной эпистемологии отсутствия», представленного в 2014 г. специальным выпуском журнала “Social Epistemology”. В. Баухспис предлагает определять отсутствие как относительное явление, которое сигнализирует о присутствии вещей, «но в другом месте» [Bauchspies, 2014], а примером такого объекта «исследований незнания» становится анализ областей науки, которые остались без финансирования, незавершенными или попросту проигнорированными научным сообществом [Frickel, 2014]. Одно из названий этих исследований – социальная эпистемология «вещей, которых нет» [Croissant, 2014].

Вторая задача – анализ производства незнания, который, напротив, описывает незнание как «вещь, которая есть», и есть не просто так. Если незнание – это результат познавательной деятельности, а познавательная деятельность охватывает сложную систему, включающую в себя познавательные установки научного сообщества

и формируемую под воздействием культурных, психологических, экономических, социальных, в том числе педагогических, и прочих факторов, то незнание – это результат действия всей этой системы. Очевидно как то, что целью этой системы является знание, так и то, что такая цель не всегда достигается успешно, а значит, существуют и могут быть изучены механизмы и процессы, работающие «в обратном направлении», т.е. производящие незнание.

Список литературы

Астахова, 2013 – Астахова А.С. Публичная репрезентация профессионального сообщества: популяризация науки и общественные дебаты // Эпистемология и философия науки. 2013. № 3. С. 179–189.

Казначеева и др., 2006 – Казначеева И.А., Бондаренко Н.Г., Чирков А.Н. Социальные функции знания в современном обществе. Пятигорск: ПГТУ, 2006. 263 с.

Кузанский, 1979 – Кузанский Н. Апология ученого незнания. Соч.: в 2 т. Т. 2 / Общ. ред. и вступит. статья З.А. Тажуризиной. М.: Мысль, 1979. 471 с.

Лобовиков, 2005 – Лобовиков В.О. Метафизическая эпистемология Пифагора, Парменида и Платона как противоположность эволюционной эпистемологии Поппера (о глубоком смысле парадоксальной сентенции Сократа: «я знаю, что я ничего не знаю») // Антиномии. 2005. № 6. С. 25–48.

Майданов, 2008 – Майданов А.С. Методология научного творчества. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 512 с.

Никифоров и др., 2004 – Никифоров А.Л., Филатов В.П., Касавин И.Т. Обсуждаем статью «знание» // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 1. № 1. С. 131–140.

Полани, 1998 – Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. Благовещенск: БКГ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 344 с.

References

Alcoff, 2007 – Alcoff, L.M. “Epistemologies of Ignorance: Three Types”, in: S. Sullivan, N. Tuana (eds.). *Race and Epistemologies of Ignorance*. New York: SUNY Press, 2007, pp. 39–58.

Astakhova, A.S. “Publichnaya reprezentatsiya professionalogo soobshchestva: popularizatsiya nauki i obshchestvennye debaty” [The Public Representation of a Professional Community: Popularization of Science and Debates in Society], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, no. 3, pp. 179–189. (In Russian)

Bauchspies, 2014 – Bauchspies, W.K. “Presence from Absence: Looking within the Triad of Science, Technology and Development”, *Social Epistemology*, 2014, vol. 28, no. 1, pp. 56–69.

Borst, Wehrens, Bal, 2022 – Borst R.A.J., Wehrens R., Bal R. “Sustaining Knowledge Translation Practices: A Critical Interpretive Synthesis”, *International*

Journal of Health Policy and Management, 2022, vol. 11, no. 12, pp. 2793–2804. DOI: <https://doi.org/10.34172/ijhpm.2022.6424>.

Brandt, 1998 – Brandt, D. “Sponsors of Literacy”, *College Composition and Communication*, 1998, vol. 49, no. 2, pp. 165–185.

Croissant, 2014 – Croissant, J.L. “Agnotology: Ignorance and Absence, or Towards a Sociology of Things That Aren’t There”, *Social Epistemology*, 2014, vol. 28, no. 1, pp. 4–25. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201337337>.

Frickel, 2014 – Frickel, S. “Absences: Methodological Note About Nothing, in Particular”, *Social Epistemology*, 2014, vol. 28, no. 1, pp. 86–95.

Galison, 2010 – Galison, P. “Trading with the Enemy”, in: Michael E. Gorman (ed.) *Trading Zones and Interactional Expertise*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2010, pp. 25–52.

Hutchins, 1995 – Hutchins, E. *Cognition in the Wild*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995, 402 p.

Kaznacheeva, I.A., Bondarenko, N.G., Chirkov, A.N. *Social’nye funktsii znaniya v sovremennom obshchestve* [Social Functions of Knowledge in Modern Society]. Pyatigorsk: PGTU, 2006, 263 p. (In Russian)

Lobovikov, V.O. “Metafizicheskaya epistemologiya Pifagora, Parmenida i Platona kak protivopozhnost’ evolyutsionnoi epistemologii Poppera (o glubokom smysle paradoksal’noi sententsii Sokrata: “ya znayu, chto ya nichego ne znayu)” [The Metaphysical Epistemology of Pythagoras, Parmenides and Plato as Opposed to the Evolutionary Epistemology of Popper (About the Deep Meaning of the Paradoxical Maxim of Socrates: “I Know That I Know Nothing”)], *Antinomii* [Antinomies], 2005, no. 6, pp. 25–48. (In Russian)

MacKenzie, 2023 – MacKenzie, A. “Postdigital Epistemology of Ignorance”, in: P. Jandrić (ed.) *The Encyclopedia of Postdigital Science and Education*. Cham: Springer, 2023 [<https://pure.qub.ac.uk/en/publications/postdigital-epistemology-of-ignorance> (preprint), accessed on: 10.06.2023].

Maidanov, A.S. *Metodologiya nauchnogo tvorchestva* [Methodology of Scientific Creativity]. Moscow: Izdatelstvo LKI, 2008, 512 p. (In Russian)

Malewski, Jaramillo, 2011 – Malewski, E., Jaramillo, N. *Epistemologies of Ignorance in Education*. Charlotte, North Carolina: Information Age Publishing, 2011, 313 p.

Merton, 1987 – Merton, R.K. “Three Fragments from a Sociologist’s Notebooks: Establishing the Phenomenon, Specified Ignorance, and Strategic Research Materials”, *Annual Review of Sociology*, 1987, vol. 13, no. 1, pp. 1–28.

Mills, 1998 – Mills, C. *The Racial Contract*. New York: Cornell University Press, 1997, 192 p.

Nicholas of Cusa. *Apologiya uchenogo neznaninya* [The Apology of Scientific Ignorance] Sochineniya: v 2 t., t. 2. [Works in 2 vols, vol. 2]. Moscow: Mysl, 1979, 471 p. (Trans. into Russian)

Nikiforov, A.L., Filatov, V.P., Kasavin, I.T. “Obsuzhdaem statyyu ‘Znanie’” [Discussing the Article “Knowledge”], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2004, no. 1, p. 131–140. (In Russian)

Nishiyama, 2022 – Nishiyama, H. “Base Built in the Middle of ‘Rice Fields’: A Politics of Ignorance in Okinawa”, *Geopolitics*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 546–565.

O’Donnel, 2023 – O’Donnell, K. “Commission to Inquire into Ireland’s Mother and Baby Homes: An Epistemology of Ignorance”, in: P. Giladi, N. McMillan (eds.)

Epistemic Injustice and the Philosophy of Recognition. London: Routledge, 2023, pp. 219–255.

O’Neil, 2016 – O’Neil, C. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York: Crown Publishers, 2016, 272 p.

Polanyi, M. *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy]. Blagoveshchensk: BKG im. I.A. Boduena de Kurtene, 1998, 344 p.

Pritchard, 2022 – Pritchard, D. “Extended Ignorance”, in: S. Arfini, L. Magnani (eds.) *Embodied, Extended, Ignorant Minds: New Studies on the Nature of Not-Knowing*. Cham: Springer International Publishing, 2022, pp. 59–75.

Ravetz, 1989 – Ravetz, J.R. *The Merger of Knowledge with Power: Essays in Critical Science*. London: Routledge, 1989, 322 p.

Schön, 1995 – Schön, D.A. *The Reflective Practitioner*. Aldershot: Arena, 1995, 390 p.

Sweeny, Melnyk, Shepperd, 2010 – Sweeny, K., Melnyk, D., Shepperd, J.A. “Information Avoidance: Who, What, When, and Why”, *Review of General Psychology*, 2010, vol. 14, no. 4, pp. 340–353.